

18+

Лев Фуников

Новеллы о...

Лев Фуников

Новеллы о...

«Издательские решения»

Фуников Л.

Новеллы о... / Л. Фуников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-606394-5

Мальш, влюблённый в природу, оказывается вовлечённым в борьбу с послевоенным бандитизмом. Уже молодым человеком пытается найти путь в литературе, иногда срывается, иногда влюбляется, иногда занимается историей своего деда, бывшего мичманом на императорской яхте «Александрия».

ISBN 978-5-00-606394-5

© Фуников Л.
© Издательские решения

Содержание

Синопис к <<Новеллы о...>>	6
Новеллы о детстве	7
Поездка к сёстрам	8
Бандиты не отстают	12
Сороковые послевоенные	16
В пионерский лагерь	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Новеллы о...

Лев Фуников

© Лев Фуников, 2023

ISBN 978-5-0060-6394-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Синопис к <<Новеллы о...>>

В книге ряд новелл и одна повесть о детстве. Повесть о восьмилетнем мальчике, приехавшем обратно в Ленинград из эвакуации. Отец остался на Урале вместе с эвакуированным заводом, присылает какие-то деньги, но мало. Мать устроилась работать на швейной фабрике. Мальчик остаётся один в квартире, выходит гулять во двор, а там своя непредсказуемая жизнь. Ведь дом их находится на Боровой, параллельно идёт Лиговка, недалеко на Обводном городская барахолка.

Повесть начинается с поездок его с Боровой на улицу Маклина к сестре матери на выходной, чтобы нормально попитаться хоть раз в неделю. Однажды он проезжает Театральную площадь, где должен выходить, и в каком-то детском страхе бежит обратно по рельсам, чтобы не заблудиться. На одном из поворотов его подхватывает машина с бандитами, за которой неумолимо гонится милицйская машина. Мальчика захватили, как заложника. Бандиты уходят от погони, привозят мальчика на свою квартиру, запирают его, а сами с радости напиваются. Михаил, научившийся во дворе лазать по сараям, открывает окно и спускается по самодельной верёвке из галстуков на нижний этаж... Но бандиты тоже не дремлют. Его снова захватывают и тащат по крышам, спасаясь от погони. Приключения не кончаются, хитроумный мальчик убегает снова и снова. Во двор выходить не безопасно, бандиты находят его и там, в итоге приходится спасаться в читальном зале детской библиотеки. Как-то раз, возвращаясь оттуда, он попадает на барахолку и там видит украденные у его родителей вещи. Дальше его жизнь меняется, начинается, пусть не покажется странным, тесный контакт с милицией, которая всячески помогает мальчику в поисках преступников. Но его ищут и хотят наказать эти самые преступники. Опять захватывают, везут за город, держат в какой-то избе. Снова побег, захват бандитов милицией... Чтобы спасти его, родители отправляют Михаила в пионерский лагерь. В повести показана интересная и, порой, даже опасная жизнь подростков в пионерском лагере в те далёкие годы. Там Михаил знакомится с воспитателем, пришедшим с войны. Мальчику очень хочется встать на путь борьбы с бандитами, он просит помочь ему в этом воспитателя. Не сразу последний соглашается помочь, ведь он прошёл все ужасы войны. Причём тут восьмилетний мальчик? Но Михаил настаивает. Набирается команда этих шёрлок-холмсов из ребят, которые в чём-то помогают милиции. В подвалах находят украденные вещи. Подростки помогают милиции на барахолке, в транспорте... Приходят на память повести Казачинского, Рыбакова – такое было в 20-е годы, во время войны, но почему не может быть и в послевоенные тяжёлые годы!

В книге есть ряд новелл о любви (Воспоминания о Мраморном зале, Каланча и др.) Автор рассказывает в одной из новелл о своём деде, служившем мичманом на царской яхте <<Александрия>>, о его не простых отношениях с царём Николаем вторым. Есть рассказ о том, как спиваются очень талантливые люди, в другом рассказывается о том, как трудно стать писателем.

Новеллы о детстве

Бабка, оставшаяся в городе всю блокаду, послала ему с матерью вызов в Вологодскую область в деревню Кишкино, где они жили как эвакуированные. Четырнадцать километров на выделенной председателем колхоза телеге и Михаил оказался в Вологде. Здесь жил племянник его тётки, которая раньше тоже была эвакуирована только в другую деревню и там нашла себе работу. Мать же Михаила нашла работу в этой деревне Кишкино, куда её и Михаила поселили в одну избу с Марией Дмитриевной, матерью его матери и упомянутой выше тётки, маленькая дочь которой теперь стала жить тоже вместе с Михаилом и его матерью. Вот такая получилась история с географией! Там он поступил в первый класс в школу, в которой все четыре класса сидели в одной большой комнате по рядам.

Ещё до школы Михаил с Марьей Дмитриевной пасли телят у реки, которые в жару, вдруг, все срывались и по какой-то команде неслись в лес. Потом он их долго с бабкой отыскивал в этом лесу. Находил и гнал обратно к этой реке.

Теперь он уезжал из деревни в Ленинград. В Вологде пробыл несколько дней. Племянник Юрка со знанием дела показывал ему некоторые ближайшие улицы древнего города. Но вот билеты куплены, они с матерью в поезде и мать говорит: <<Это Московский вокзал. Уже приехали. Мы отсюда будем жить совсем недалёко.>> В груди Михаила что-то ёкнуло, он понял, что всё теперь для него круто изменится. Да, едва вспоминалось, что когда-то он жил здесь ещё совсем маленьким, таким, что почти ничего не помнил.

Помнил Новый год, на сцене читал какие-то стихи. Помнил с трудом двор, где играл с ребятами и разговаривал у входа в свою парадную с красивой девочкой – сверстницей. Помнил первый звук сирены и подвал, где собирались жители ближайших домов при объявлении этой тревоги. Больше ничего не помнил. Теперь ему предстояло снова очутиться в том доверенном мире.

Увы! Когда они ехали на трамвае по Лиговке, Михаил, вдруг, увидел развалины некоторых домов. Огромный дом на углу Лиговки и Разъезжей, занимавший целый квартал, был превращён в груды кирпичей и хлама, вокруг которой стояли только стены с выбитыми окнами. Когда приехали домой на Боровую, оказалось, что бабка всю блокаду работала на Карбюраторном заводе, тушила на крыше фугасы в песке, всё продала из того, что оставалось, когда они уезжали. Много было сожжено. Ему с матерью приходилось начинать всё сначала. Мать устроилась на работу на швейную фабрику. Его запирали до вечера в небольшой квартирке из двух комнат и кухни с большой печью. Бабка тоже работала. Часто он сидел у окна первого этажа и разглядывал прохожих. Работало радио. Слушал футбольные репортажи Вадима Синявского. Даже пытался однажды сочинять какую-то сказку. Писать он уже умел, читал тоже. Еды было мало. Мать оставляла немного. И приходила иногда сама на обед с работы, но обеда не было, ведь он уже всё съедал. Она выпивала какие-то остатки и уходила опять на работу.

Но это всё окончилось, когда Михаил начал в сентябре ходить в школу. Конечно, было голодно. Но жизнь продолжалась.

Поездка к сёстрам

Но вот однажды мать сказала ему, что на весь выходной (тогда ещё Хрущёв не ввёл два выходных) он будет ездить к её родной сестре (помните, тётка и деревня Кишкино), которая неплохо жила на улице Маклина с мужем, недавно прибывшим с фронта. Но теперь перед родственниками встал гигантский вопрос: как восьмилетний мальчишка будет ездить один по городу?

В итоге так и случилось. Однажды Михаил вышел из трамвая в совершенно незнакомом месте и в ужасе побежал по рельсам назад! Да, в жуткой толчее в трамвае он миновал нужную остановку, которую помнил. Теперь было необходимо срочно добежать до неё! Иначе он останется один на один с этим огромным таинственным городом.

Внезапно раздалось два выстрела. К нему стремительно приближалась небольшая невзрачная машина, за ней, кажется, двигалась милицейская. Мальчишка, как гипнотизированный, оставался стоять на повороте. Преследуемые на секунду притормозили. Чья-то грубая <<лапа>> схватила Михаила и рывком засунула его внутрь. Поворот состоялся. Движение преследуемой машины продолжалось, но уже с мальчишкой.

– Не стрелять! – Услышал он уже изнутри выкрик преследователей. Кажется, его взяли в плен.

В машине сидели двое каких-то узколовых с бегающими глазами. То и дело посматривали на него. От милиции, похоже, начали отрываться, рулевой вовсю финтил, как бог.

Пролетали мимо мосты. Михаил ждал, когда же за окошком машины появится хоть что-то отдалённо знакомое. А, вот, кажется, Фрунзенский универмаг, здание невозможно было не заметить! Михаил был несказанно рад, что нашёл свою дорогу, по которой недавно ехал.

– Дяденька, я доберусь, останови здесь! – произнёс он.

Дальше происходило что-то непонятное. Первый узколобий нехотя посмотрел на него, затем на второго узколобого, который вёл машину.

– Выкинем этого засранца, иначе с нас не слезут, весь город будет искать? Зачем он нам нужен! – зло прошипел рулевой. Оба думали.

– Но откуда узнают, что мы его выкинули, он же не пойдёт об этом докладывать в милицию, а скорей рванёт домой к мамочке, а мамочка, может быть, вообще, никуда не пойдёт со страху, а нас, как искали, так и будут искать с заложником? – резонно размышлял первый узколобий. – Кроме того, они спросят его о нас. Мы похожи друг на друга, как близнецы. Слушай, а, может быть, мы и в самом деле близнецы? От одного папы, – узколобий за рулём как-то поганно засмеялся, потом задумался.

Михаил начинал понимать, что ничего хорошего ему не сулит это неожиданное знакомство.

– Слушай, а давай отвезём этого говнюка к Большому, пусть думает за нас!

– Давай, но он с тебя снимет три шкуры! – возразил первый. – Зачем ему эта шмакодявка? Столько хлопот! Давай что-то делать быстро!

Но <<шмакодявка>>, вдруг, неожиданно заорала в едва открытое окно:

– Помогите!

Недалеко от машины стоял постовой регулировщик. Услышав крик, он остановил, вдруг, какую-то машину и что-то убедительно сказал шофёру, записав демонстративно номер этой второй машины и номер уезжавшей первой.

Похоже, что намечалась серьёзная погоня. Как потом сообразил Михаил, шофёр второй машины должен был сообщить обо всём в милицию и поскорее.

Узколобые мстительно смотрели на <<засранца>> и <<шмакодявку>>. Тот, который был не за рулём, с размаху врезал, вдруг, мальчишке по башке кулаком. Было больно. Только что,

проехав нужную остановку на трамвае, он залюбовался красотами города, волшебными скульптурами. Сестра матери, наверно, уже поджидает его. Теперь эти, точно, не отпустят!

Прибавили скорость, мелькали повороты, преступники, явно, хотели быстрее исчезнуть.

Вдруг, машина очутилась в каком-то дворе. Рулевой выскочил, метнулся к одной из многих парадных. Оттуда выскочил третий, они открыли сбоку от двора сарай, быстро загнали туда машину, завалили её хламом, крепко заперли всё. Михаила почти силой затащили на четвёртый этаж. Тогда в городе существовало ещё печное отопление. Почти во всех дворах были деревянные сараи, – некоторые из них весьма просторные, их можно было использовать как гараж.

Итак, комната, в которой волей случая очутился Михаил, была с печью – высокий белый изразцовый камин. За столом сидели два человека, ели и пили. А что делать бандитам в свободное от работы время, понятно какой работы!

Парня осмотрели. Какой-то рыжий и высокий встал и замахнулся на одного из двух.

– Лучше б тебя пристрелили, опять не подумал! Куда нам этого пацанёнка, убивать его? Что будешь делать?

– Большой, если бы мы его не прихватили, нам конец, расстреляли бы за милую душу!

– Я тебя, барана, сейчас расстреляю! Сейчас прихлопну, и меня оправдают!

Баран-узколобий что-то сосредоточенно обдумывал.

– Большой, давай лучше выпьем, по ходу процесса всё уляжется, придумаем!

Решили запереть пленника в соседней комнате. Ведь, если его убить, – это вышка! Поэтому пока решили не доводить дело до мокрухи. Успеется ещё! Через несколько минут вся компания была пьяной. Отмечали удачное возвращение после удачной операции. О пленнике как-то постепенно начали забывать.

А Михаил начал думать о себе.

Комната, в которой его заперли, была смежной, чтобы в неё попасть, нужно было пройти через комнату, в которой расположилась пьяная компания. К ним лучше было не соваться, окно выходило во двор: 4-й этаж – туда тоже лучше не соваться! Хотя... он вспомнил, что во дворе дома на Боровой у железной дороги было много сараев, и он с ребятами часто играл там, иногда до позднего вечера. Залезть на сарай было не трудно – полно каких-то выступов, гвоздей. Для дворового мальчишки это раз плюнуть! Спуститься тоже не так трудно, для этого ребята оставляли часто на крышах сараев какие-то верёвки, палки. После спуска это забрасывалось обратно до следующего случая. Михаил осторожно прошёлся по комнате. Если найти или сделать верёвку? Спуститься хотя бы до третьего этажа. Постучаться в окно к соседям внизу, сказать, что хотят убить!

В шкафу лежали старые рубахи, пальто, плащ, галстуки – всё пошло в ход. Общение с деревенскими и городскими ребятами не прошло даром – он не такой уж тяжёлый, нужно только крепче вязать, в три узла. Так он и делал, открыть окно не составило труда. И тут сопутствовала удача! Через какое-то время нашёл старый деревянный карниз-палку – к его середине привязал связку рубах и галстуков. Дальше нужно было надёжно зацепить этот карниз обоими концами за проём окна и выпустить эту связку из открытого окна, хотя бы до нижнего... Кричать нельзя, бандиты быстро закроют окно, больше такого момента не будет. Спуск начался. Малец, как уже было сказано, прошёл хорошую школу лазания по сараям, всё было завязано крепко, он несколько раз дёргал каждый узел, каждый галстук. Сначала выставил карниз с этой верёвкой точно по проёму, осторожно спустился и с ужасом повис на карнизе (благо приходилось это делать не раз на крыше сарая), осторожно переставил одну руку с карниза на верёвку (держит!), затем другую (повис на этом самодельном канате), начал переставлять руки сверху вниз (не впервой!), оказался на уровне нижнего окна, встал на этот нижний подоконник, постучал. Окно открылось, чьё-то испуганное лицо... – он оказался в нижней квартире. Тогда люди немного больше верили друг другу, или просто парню повезло, но его впустили...

Впустила пожилая женщина (рождённая, наверно, ещё при царе-батюшке, сострадательная и богобоязненная – так почему-то решил Михаил), не обошлось без вопросов о нём, о родителях, о преследовании, об этих узколобах – всё это второпях! Он отвечал подробно и быстро, с некоторыми интересными деталями, чтобы ему поверили, не выгнали прочь!.. Телефоны тогда ещё были огромной редкостью, женщина собралась и решила идти на улицу или к соседям – советоваться и вызывать милицию. Осторожно открыла дверь – никого! Заперла, тоже стала спускаться, но уже по лестнице.

А в это самое время Большой почувал каким-то своим собачьим чутьём неладное. Пьянь-пьянь, а дело-делом. Он отошел от совсем невменяемых, прислушался у двери – тишина необычайная. Открыть дверь ключом было секундным делом – картина представилась полной. Два пинка узколобым, чтобы очухались – и жизнь пошла своим чередом!

Побежали вниз, квартира оказалась закрытой. Поставив на лестнице одного, Большой приказал другому лезть вниз из окна по импровизированному канату из галстуков и рубашек. Тот не согласился, сославшись на ненадёжность этой верёвки. В своих бандитских запасах быстро нашли другую. Двое стали держать за конец, третий полез, как акробат, вниз, перебирая верёвку... Нешуточное дело, не выдержи они его веса и... Четвёртый этаж, внизу камни, врытые в землю, мостовая! Но у этих бандитов оказался, видимо, ещё больший опыт лазания с помощью верёвок, чем у Михаила. Вскоре этот третий схватил паренька за шкуру, открыл легко дверь и, буквально, на руках втащил его обратно наверх. Операция по освобождению провалилась, но...

Большой тщательно ликвидировал все галстуки, рубашки и верёвки из окна, наглухо запер его. Но... – опять это <<но>>!

Во дворе уже начали собираться люди, некоторые видели все эти действия со спусками вниз мальчика и взрослого. Некоторым, видимо, успела сообщить эта испуганная пожилая женщина. Несомненно, одно, суета уже началась, ждали милицию. Большой, кажется, тоже не сидел сложа руки.

Как он различал двух этих неправильноголовых, дело трудно объяснимое. Одно несомненно, делал он это легко. Вам ничего не даст, если я скажу, что одного звали Фёдор, а другого Ерофей. Всё равно не различили бы, кто есть кто! Ну, и не надо! Итак, Большой понимал, что вот-вот нагрянет милиция, что им надо срочно уходить из этой достаточно пригретой уже хаты, уходить из-за глупости <<ерофеев>>, как он их называл иногда, и забирать нужно быстро всё ценное, уносить ноги. Дело решали секунды.

Чердак. Это был единственный выход. Через двор riskовать нельзя – можно сразу же напороться на милицию. Врезав ещё раз от безысходности что ли обоим <<близнецам>>, Большой потащил всю процессию с Михаилом наверх, благо ключи от чердака были заранее сделаны бандитами! Почему они сразу не прикончили этого пацанёнка? Просто не сильно надеялись на благополучный исход. И тогда им... И крышка и вышка! Пути отступления, маршрут также заранее были просчитаны и разработаны, фактически, они были всегда готовы к бегству. Просчитан был маршрут по крышам ряда домов с выходом на лестницу какого-то отдалённого дома и последующим бегством по этой лестнице на другую улицу.

Михаил попал в опытные бандитские руки. Процессия тащила какие-то сумки (наверно, с наворованным), парню сказали, что, если ещё раз пикнет, – сбросят вниз, он им уже надоел (сейчас не сбрасывают только потому, что сразу привлекут к себе внимание, а им это не нужно!). Михаил почти поверил тому, что расправиться с ним для этих людей (если их так можно назвать), – раз плюнуть, и шёл покорно, как негр на плантации. Хотя у него мелькнуло сомнение, ведь если он закричит, заметят, услышат, ведь не будут же бандиты убивать его у всех на глазах!

Выход на крыши бандитами был предусмотрительно заперт, ушли ли они по крыше – это нужно ещё было понять? А когда поймут, что ушли по крыше, необходимо было ещё достать

ключ или ломать дверь, что крайне трудоёмко. Михаил тоже, как и Большой начинал думать... Жизнь в таких ситуациях заставляет! Мало ли, что ему было всего восемь лет!

Лучше всего было бы закричать, ведь если его опять запихнут в машину (а этим, скорей всего, и кончится!), и увезут куда-нибудь загород (это, наверно, был бы самый ожидаемый вариант, учитывая провал прежнего варианта в городе), то шансов вырваться было намного меньше.

С крыш открывался чудесный вид на город сверху, хотя ещё не все дома были восстановлены, и в той панораме, которую видел он, то и дело встречались жуткие провалы от бомбардировок.

Компания двигалась быстро, крыши (предусмотрели и это!) часто продолжали одна другую, труднее всего было шагать по скатам, вернее, переставлять ноги, тут приходилось держаться друг за друга. Наконец, искомый спуск был найден. Решено было по одному спускаться по лестнице, дабы не вызвать лишних подозрений. Ждать всем внизу.

С Михаилом будет спускаться кто-то из компании, чтобы тот не позвонил в дверь и не сбежал. Большой пошёл первым – мало ли что внизу! Узкоголовых больше не подпускали к малышу, с ним пошёл один из других, его звали Жорой. Он внимательно смотрел на парня, то и дело с ненавистью поворачивая перед ним свой кулак, это было похоже на какой-то жест племени Лумбу-Мумбу или наоборот Мумбу-Лумбу, как вам лучше понравится! Михаил спускался очень медленно, ссылаясь на то, что подвернул ногу, хотя ясно было, что он врёт. Но это помогло ему в чём-то, а именно: когда внезапно на одном из этажей открылась дверь и кто-то собрался оттуда выйти, он, уже просчитавший возможность такого варианта, головой боднул Жору из племени со странным названием и бросился в открытую дверь, тут же захлопнув её и заперев изнутри.

Он чуть не сбил с ног девушку, ещё не успевшую выйти, теперь они стояли рядом и смотрели друг на друга, причём девушка делала это крайне удивлённо.

– Бандиты, – прошептал он. – Помогите! Они меня убьют!

Жора ничего умнее не смог придумать, как начать ломиться в уже запертую дверь.

– Открывай! – бодро орал он. – Убью, падла!

Девушка уже, кажется, не сомневалась, что мальчик говорил правду. Она подбежала к окну и начала громко звать на помощь. Всех бандитов, уже спустившихся и ждущих внизу, как ветром сдуло. За дверью тоже наступила явная тишина.

Подъехавшая милиция долго расспрашивала Михаила о его приключениях. Попытки отыскать Большого, похоже, не принесли результатов, он, как и думал Михаил, ускользнул каким-то образом. Опять надо искать. Наверняка, где-то затаился поблизости, ждёт тишины, чтобы снова выйти на дело. Милиция разводит руками – нигде ничего... Михаила отвезли на проспект Маклина. Тётушка и сёстры встретили его радостно и долго тискали в своих объятиях. Но у него всё время было такое ощущение, что с этими бандитами ещё придётся встретиться не раз и не два.

Бандиты не отстают

На следующий день утром Михаил опять уезжал. Повороты, которые он считал и рассматривал, пересадка уже на другой трамвай... Боровая, его двор, кажется, доехал, напряжение спадало!

У себя в этом дворе после школы Михаил часто встречал людей чем-то похожих на встреченных им бандитов, они вились у сараев, любили вступать в разговоры ребят, давали им задания! Но теперь он внимательней стал приглядывался к ним...

Поездки к сёстрам продолжали и далее. Михаил уже не боялся проехать свою остановку, а если и проезжал, то добирался всё же до Театральной площади. Для него она стала одним из важных ориентиров.

Сестра матери как-то взяла его вместе с маленькими сестрёнками в Мариинский театр на детскую оперу. Такого он никогда ещё не видел! Блистательный зал, сцена, по которой в волшебных костюмах ходили чудесно поющие люди... Сказка на самом деле! В перерыве они сидели в ложе, рассматривали жужжащий зал, нарядных женщин, блеск люстры – всё это было новым, зовущим в неизведанное... Так он стал ещё и большим любителем всего театрального!

Как и архитектура города, которую он иногда волей-неволей изучал, бродя по переулкам Ленинграда, это тоже стало входить в его жизнь. Но впереди было ещё столько неизведанного!

Во дворе шла своя жизнь, которая казалась иногда чуть-чуть загадочной. Дворничиха Матрёна однажды подозвала его и начала громко на весь двор спрашивать, не знает ли он, кто участвовал в ограблении квартиры, – она назвала какой. Михаил, конечно, был ещё очень маленьким, но уже начинал понимать, что его хотят ввязать в какую-то нечистую игру. Тем более, что невдалеке стояла группа завсегдагаев этого двора и ещё какие-то личности, которых он не знал, и которые показались ему в чём-то подозрительными. Он слышал, что грабанили кого-то, – тогда это было делом обычным, – но, как говорится, не более того. Конкретно разговор шёл о каком-то Бомбочке, но не более того. Бомбочка был местным авторитетом, заводилой, который ещё до войны рассёк Михаилу подбородок острым, как бритва, металлическим колесом. Но это были разговоры, незачем было трепаться о том, чего ты точно не знаешь. Так он и сказал Матрёне, что ничего не знает. Группа следивших за этой беседой как-то успокоилась. Они поняли, что он никого не собирается упоминать.

Во дворе было много разных ребят, пойми, кто из них связан с этими подозрительными личностями, которые, как он больше всё понимал, были причастны ко многим нехорошим делам. Когда выходишь во двор гулять, как-то не думаешь о том, кто есть кто? Часто болтаешь то, что иногда не следует болтать. Так во дворе стала известна история его похищения и последующего бегства. Постепенно она становилась известна, как он это успел заметить, и в соседних дворах, к нему стали присматриваться, а не врёт ли парень? Кажется, не врёт! Воровское братство работало. В их дворе появился Большой.

Он всячески старался оставаться незамеченным... Но Михаила, хорошо знавшего всех дворовых, трудно было провести. Такого знакомого трудно было не узнать. Михаил делал вид, что ничего не замечает. Одновременно пошла какая-то активизация в рядах незнакомых, и, как было ясно, преступных личностей. А вскоре его квартиру ограбили.

У его бабки были спрятаны посылки из Германии её младшего сына, посылки, видимо, очень ценные, и она проболталась Матрёне о них. Не зря тут толкались упоминаемые подозрительные...

Посылки исчезли. Бабка причитала. Матрёна проявляла небывалую активность в уборке двора. Проявляла сочувствие. Родители были в шоке, хотя у них брать было нечего, и поэтому почти ничего не взяли. Милиция также демонстрировала небывалую активность. Всё, как

обычно. Михаил понимал, кто причастен ко всему этому, но тоже пока молчал. Он начинал думать, нужна ли ему новая встреча с этими, как он теперь их называл, <<узкоголовыми>>?

Бывают во дворах такие типы, которые всё знают обо всём. Он знал одного такого, парень прекрасно вступал в контакт с любым, был умным, следил за окружением, как будто был тайным агентом какой-то организации. Михаил начал чаще бывать в том дворе, где функционировал этот <<агент>>. Сам навязался к нему на более доверительное знакомство, выполнял кое-какие незначительные поручения.

Аркадий, так звали человека, пользовался несомненным авторитетом, даже взрослые ребята с этим парнем разговаривали, как с равным. Казалось, основная задача его была в накоплении большой информации, как можно большей, чтобы потом эффективно использовать её в непонятных пока ещё Михаилу целях. Существуют такие люди, они с детства по распоряжению матери-природы выполняют некие функции, как оказывается потом несомненно нужные, как им, так и многим окружающим. Михаил сразу почувствовал, что этот Аркадий, скорее всего, умнее его, с ним нужно быть на чеку! Кажется, они понравились друг другу, Михаил ведь тоже не был дураком. Разговоры тут шли более серьёзные – о картах, о девчонках, до водки, слава богу, пока ещё не доходило! Однажды, заходя во двор, Михаил увидел вдали Большого. Малец быстро спрятался, ушёл назад. Теперь его задачей было не попадаться на глаза этому бандиту, с Аркадием встречаться тоже поменьше. Решил находиться, как будто, невзначай, вдали от этих мест и наблюдать... Он решил проследить маршруты Большого, сообщить о нём в милицию, чтобы поймали бандитов и вернули украденные посылки. Наивное решение. Скорее всего от этих посылок уже ничего не осталось! Тогда, решил он, надо отомстить. Как много решений, он просто не знал, куда ввязывается!

Вместо того, чтобы быть наблюдателем, летописцем событий этого участка Боровой, Михаил попал сам под крутой надзор, он начал по некоторым несомненным признакам понимать, что следить-то начали за ним! То и дело появлялись одни и те же парни, которые болтались невдалеке и делали вид, что не замечают его. Что делать? Действовала какая-то чёткая система. Вокруг всё было под надзором. Михаил начинал понимать, что он не избавился от тех <<узкоголовых>>, просто Большой всё знает о нём и наблюдает. Возможно, думает, как его использовать.

Что делать? Он решил загаиться, что называется, уйти в подполье. Подпольем была детская библиотека на Расстанной, недалёко от Волковских Литераторских мостков.

Казалось, о нём начали потихоньку забывать. Действительно, Михаил увлёкся индейцами Фенимора Купера, фантастическими романами Жюль Верна, записками Шёрлока Холмса. Кажется, всё это шло во вред учёбе, пошли тройки, и не только...

Как-то после библиотеки, уйдя пораньше, он побрёл по Днепропетровской и дошёл до барахолки на Обводном. Там продавалось почти всё. Типы были самые разнообразные. Художники-передвижники, попади они туда из 19-го века, не ушли бы оттуда никогда!

Михаил бродил между настланными на земле газетами или тряпицами с товаром и не понимал, зачем он тут оказался, зачем он сюда припёрся? На одной из этих тряпиц он увидел то, о чём уже почти забыл, – это были вещи из одной посылки, украденной несколько месяцев назад (бабка как-то показывала их матери). Видимо, воры тоже решили не торопиться с продажей, и выложили всё это только сейчас.

Недалеко от Обводного канала на Лиговке находилось отделение милиции, куда и направился бодрым шагом Михаил – будь что будет! Там заглянули в дело по этой краже.

На барахолку обратно он шёл уже в сопровождении человека в штатском. Договорились, что паренёк покажет этому человеку точку торговли украденным и уйдёт. Так и сделали. Михаил видел, как к штатскому подошёл ещё один в штатском, оба встали в стороне и внимательно, как бы невзначай, следили за действиями паренька. А паренёк подошёл к упомянутой тряпице на земле и начал с интересом рассматривать разложенный товар. Затем как бы

нехотя отошёл к другим точкам, но у них не задерживался и вскоре опять пошёл домой. Как-то так условился он с этой милицией в штатском! Возможно, второй штатский был постоянный завсегдатай этой барахолки, агент милиции, у которой было много нераскрытых дел, в том числе и это. Видимо, он собирал информацию по рынку, анализировал, приближал дела к раскрытию. Большой, наверняка, был замешан и в других делах, наверно, не хотели его вспугнуть из-за каких-то посылок. Михаилу сказали, вообще, не появляться на рынке. Он продолжал регулярно посещать детскую библиотеку, начал почти забывать о Большом, но ...не тут -то было! Однажды, когда он возвращался домой из читального зала, его догнала снова легковая машина, опять заташили внутрь и слегка дали по башке. На этот раз всё же увезли за город, за окном замелькали деревянные постройки...

Въехали во двор деревенского дома, завели внутрь дома. Просторная комната без излишней роскоши, но опрятная, иконы, привычная утварь. Двое полупьяных. На него смотрели очень враждебно.

Начался допрос. Оказалось, что они знают про его поход на рынок. Михаил ещё раз убедился в наличии хорошей агентуры в рядах дворовых мальчишек. Значит, его знали уже и на рынке, ведь не могли же данные о нём утечь из милиции – тогда все свято верили в непогрешимость милицейских! Ему сказали, что он им (бандитам) давно уже надоел, давно мешает, отпустят только тогда, когда отпустят Большого. Зря он, Михаил, полез на рынок...

Ага, значит, Большой всё же попался!

Причём, когда эти двое говорили, что отпустят его, малец заметил, что оба ехидно улынулись – ясно было, что его никуда не отпустят! На что надеялись эти полупьяные – было непонятно. Ясно, что за него никто им не выдаст Большого, за такого как он? Нет, конечно! Для бандитов он – шмакадявка, для милицейских – почти то же. Зачем тогда, в конце концов, его заташили сюда? Зачем? Это большая загадка.

Если, вдруг, его отдадут в нужный момент милицейским просто так – это смягчит участь Большого? Но это такая тонкая ниточка, произойти всё может в любой момент, всё может сорваться и оборваться. Его вскоре могут просто убрать! Ему, скорей всего, нужно опять бежать и как можно быстрее! Эти яицеголовые, как теперь он их уже всех называл, начинали просто надоедать! Они обстоятельно сообщали ему, что теперь он никуда уже не убежит, кругом лес, домов мало, собак много, все люди свои. Замёрзнет, волки и т. д. Даже не пытайся!

Михаил пока не пытался, но, как всегда, начал много думать на эту тему. Во двор постоянно приезжала и уезжала машина, на которой привезли его. В окно было видно, что багажник иногда не открывался, не заполнялся. Если попробовать забраться туда? Бандиты, видимо, так уверовали, что он никуда не убежит после их рассказов о лесе, о волках, что начали как бы забывать о нём. Разговоры шли о каких-то незаконченных делах Большого, которые надо закрыть пока, <<затихариться>>.

Одновременно шла проработка новых воровских набегов, Михаил никогда не подумал бы, что они могут быть такими умными. Мельчайшие подробности, варианты – это напоминало разгадку каких-то сложных ребусов... Парень начинал понимать, насколько тяжёлая всё-таки у них эта работа, это не пришёл взял и убежал, каждый шаг по несколько раз проверялся. Боже, куда он попал! Иногда просто даже не хотелось верить всем умозаключениям и вариантам этих трудящихся!

Однажды он услышал, что через лес к посёлку ведёт тропа, главное, не сбиться с ней! О волках никакой речи не было. Это был ещё один вариант побега. А если убежать и спрятаться где-нибудь в соседних домах? Бани, сараи, сеновалы – всё может подойти! Хорошо бы встретить хороших людей! Он был уверен, что они есть. Необходимо было ждать, когда эти <<хорьки>> снова напьются. Особенно долго ждать, наверно, не придётся – желание выпить здесь было у всех в крови!

Однажды в дождливую ещё не зимнюю пору наметился съезд этих трудящихся. Как интересный экспонат показывали его, все посматривали и рассматривали. Много говорилось негромко, что называется, между собой. Опять всё о тех же регулярных делах, потом все, как и следовало ожидать, напились. Михаил больше решил не думать на тему, почему его ещё до сих пор не убили?

Парень набрал со стола побольше еды, оделся. В темноте вышел на замеченную и упоминаемую ранее тропинку, действительно, её удалось едва нащупать руками и ногами. Бегство началось. Ветки часто били в лицо – без этого никак! Часто как будто он уходил в сторону, – ну, нет, ноги скоро снова выводили на тонкую тропу! Было страшно, забрался в какие-то дебри, вышел на освещённую поляну, снова и снова... Главное, не сбиться с тропы, а она вела куда-то упрямо и точно. Через долгое время такой ходьбы показалось поле, а за ним – ожидаемые огни. Как теперь быть? Через несколько домов показалась дорога – по ней ехала машина, ноги уже почти не двигались, надо догнать, наперерез успеть! Михаил докарабкался до этой дороги и спрятался в кустах, что будет дальше? Дальше показался грузовик, в котором перевозили баранов. Какая-то сила заставила его догнать в темноте на повороте замедлившую движение машину и повиснуть на заднем кузове. Подтянуться и оказаться в кузове с баранами для преуспевшего в лазании дворового мальчишки не представляло особого труда.

Он залёг между ног баранов и ждал, что будет дальше. Кажется, его никто не заметил, кроме баранов. Они проявляли явное недружелюбие, но нападать на него им было неудобно, животные стояли плотно друг к другу. Пожаловаться им было тоже некому, кто обратит внимание на их бляение? Приехали в большой, судя по количеству домов, населённый пункт, пока шофёр о чём-то разговаривал со встречным, парень выскочил из кузова и отбежал в сторону так, чтобы его никто не заметил, спрятался за домом, подождал, пока уедет машина, пошёл по улице.

Встречным сказал, что ему очень срочно нужно увидеть местного милиционера. Такой жил почти на краю небольшого населённого пункта. Михаил рассказал ему всё. На следующий день его куда-то возили, он разговаривал явно со следователем и описал дом, из которого бежал, машину бандитов, их самих, рассказал всё, что слышал и понял о Большом и его команде.

Описал, где он вышел из леса, на какой машине и как ехал до этого посёлка. Следователям не трудно было вычислить машину, опросив и найдя в посёлке общавшихся с шофёром людей. Так же не трудно было найти первый небольшой посёлок, к которому вышел Михаил, и небезызвестную тропу. Сначала накрыли тех, кто был в доме, а потом и остальных подъезжавших к дому, но!..

В посёлке пошёл слух о бандитах, свои люди предупредили оставшихся на воле – машины перестали подъезжать к дому. Этим оставшихся предстояло ещё, может быть, долго ловить. Чувство тревоги не покидало Михаила. Что дальше? Он перестал выходить во двор, боясь мести укрывшихся бандитов. Укрывались и он и они.

Сороковые послевоенные

Долго не просидишь в каменной коробке, нужно иногда выходить во двор. Его сразу заметил один из знакомых по дворовым играм – Валерий. Мать его была учительницей, преподавала в той же школе, где учился и он с Валеркой. Последний был с ним в некой дружбе, порой, они подолгу раньше играли вокруг сараев, всегда были темы для разговоров, дела. Учительнице он тоже, похоже, нравился. Она не раз передавала через него какие-то записки домой, будучи занятой в школе. Короче, Михаил решил через Валерку узнать о ситуации во дворе, это было опасно, ведь Валерка мог струсить и не рассказать всего, а нужно было знать именно всё.

Так он узнал, что милиция, похоже, сильно припугнула сподвижников Большого, обещав им ничего хорошего, если с Михаилом что-нибудь случится, поэтому все старались обходить его подальше. Возможно, милицейские хотели как-то использовать его ещё и ещё... Всё-таки это дало возможность ходить, как и раньше, в библиотеку, и он с наслаждением припадал к творчеству того же Купера, Жюль-Верна, Конан-Дойля. Последний особенно нравился ему своими тщательно продуманными детективными историями, где каждый поворот сулил кучу неожиданностей. Естественно, он начал применять эти тонкости к своим прошедшим историям. Рождались варианты поведения его в прошедших ситуациях и... какие-то заделы, может быть, на будущее. А то, что в будущем будет что-то похожее, Михаил уже не сомневался.

Во дворах улиц, окружающих Лиговку, – Боровой, Воронежской, Расстанной, Курской, Прилуцкой шла своя совершенно неповторимая жизнь, и Михаил являлся одним из её участников. Чего только не было в его жизни в эти сороковые послевоенные! Он всё хорошо помнил. Вот только некоторые сценки из тех годов.

У самого Волковского кладбища стоял продуктовый ларек, ребята часто играли у крестов, разрушенных и полуразрушенных могил. Однажды собрались уходить, оказались у этого ларька, вдруг, раздался почти вопль продавщицы. Ларёк обокрали. Продавщица набросилась на ребят, велела прохожим держать их. Появился милиционер. Михаил клялся, что это не они, действительно, у них ничего не было. Нехотя отпустили. Такое случалось часто. Воровали постоянно. Как-то в школе родители дали Михаилу деньги на учебники, целых двадцать рублей, другие родители тоже снабдили мальчишек такой же суммой. Начало учебного года! Всё, как обычно. Но были очень бедные ученики, у них не было денег на учебники, а как учиться без них, – тогда считалось, что, если ты пошёл в школу, то родители обязаны достать эти деньги, тогда помогать было некому. Что за родители, если нет денег на учебники для сына? Лопни, а достань! И доставали, иногда сами дети воровским путём.

Как и все Михаил пришёл с деньгами, похвастался об этом ребятам, увы, это было опрочметчиво! Ведь у нескольких человек вовсе не было денег, а учебники давали сегодня. Попробуй потом достань!

Или был урок физкультуры, или просто общение с одним из учеников по фамилии Майоров, но денег не оказалось в одном из нескольких карманов... Это был ужас! Ведь деньги собирались родителями Михаила почти по крохам!

Ему сказали – обыскивай, кого ты подозреваешь! Перед ним стоял этот Майоров, он как-то нервно посмеивался, был очень не уверен. Михаил думал, вот сейчас при всех начну обыскивать, а если денег не окажется, что подумает весь класс? Наверно, всё-таки его родители были не настолько бедны, – он не стал обыскивать этого Майорова. Почему? Тот смотрел на него без всякой надежды – мол, можешь убить, мне ничего не страшно! Ладно, решил Михаил, живи! Отошёл, понял, что деньги с таким трудом набранные родителями уплыли. Майоров быстро куда-то ушёл и, в конце концов, сдал эти 20 рублей, купюры были точно такие же, какие получил Михаил от родителей.

Однажды во время игры в снежки пропала сумка с учебниками, заигрался или его так заиграли специально, но сумки не было. Стал искать, опрашивать – кто-то точно не знал, кто-то делал удивлённый вид, но всё-таки удалось нащупать ребят, которые утаскивали сумку в парадную... Образовался главарь, маленький, нахальный, требовал денег – тогда найдём! Денег точно не было. Родители точно не поймут, если украдут и вторые учебники! Пришлось очень просить, почти унижаться. Отдали, как-то сжалились! Может это были дети тех репрессированных, которые точно разучились жалеть? Может быть, это были знакомые того же Майорова, которые решили сделать Михаилу поблажку – ведь он не стал обыскивать тогда этого Майорова? Это была 376 школа. Часть её почти выходила на Лиговку – небольшой двор, где и играли в снежки, затем проход мимо ряда парадных к Лиговке. Вот в одной из этих парадных и пряталась сумка с учебниками. С другой стороны школа выходила на Воронежскую. Здесь была перед школой спортплощадка, где регулярно проводились уроки физкультуры. Напротив была женская школа. Всё было строго, с девчонками не общались. Хорошо это или нет? Тогда это было везде так. У ребят был всегда какой-то интерес к этой женской школе, но не более того.

В их школе часто оставляли весь класс после уроков, – точно было известно, что кто-то у кого-то стащил ценную вещь и она ещё находится в классе, ну, почти как вариант с учебниками! Никакие призывы учителей отдать по-хорошему не приводили к желаемому результату. Кто ж будет так собственноручно и сразу пятнать себя на всю оставшуюся жизнь? Время шло, все сидели и ждали, – молчание всего и всех! Решали обыскивать каждого при всех! Вот такая была демократия. В конце концов, находили желаемый предмет, все расходились, никаких преследований виновника, всё дело как-то старались замять, и, действительно, через некоторое время все забывали о происшествии. Тяжёлые сороковые!

Драки были часто. Кто-то кому-то начинал сильно не нравиться, постоянные конфликты заканчивались просто – стычка в перемене до первой крови. Суровое послевоенное братство детей, порой, лишённых родителей. У Михаила был слабый нос, постоянно он начинал истекать кровью задолго до окончания поединка, приходилось неоднократно так признавать своё поражение.

Просто было обидно, что какой-то малёк искусно пользуется этим правилом в своих интересах. Но правило есть правило, договорённость есть договорённость, приходилось ходить под этим коротышкой до какого-то очередного поединка. Стычки происходили или в классе (дабы не выносить сор из избы!) или в коридоре, – тогда было много шансов оказаться в учительской с соответствующими записями в дневнике и т. д.

По коридорам всё-таки ходили дежурные и не всегда они прикрывали сражающихся. Однажды он сам был дежурным, пришлось разнимать дерущихся, потом дерущиеся напали на него – кровь из носа догадывается у кого. Но существовало какое-то железное правило – не сдавать друг друга. Естественно, Михаил никого не сдал. Хотя, все знали всё обо всех. Наверно, стукачи, как и у взрослых, существовали.

Избивали здорово, он сам однажды избил к концу перемены одного вновь поступившего, с которым когда-то в первых классах дружил (общие интересы – книги, их продажа, обмен, доставание новых и интересных), кровь пошла не у него, а у этого нового. Опять это дело как-то замаяли. Никому не попало. А зря! Через некоторое время беднягу нашли у входа избитым до полу сознания. Но здесь уже Михаил был ни при чём, он сам об этом узнал с удивлением, – кому-то ещё этот парень насолил!

Драки происходили в раздевалке школы, многие ученики по каким-то обстоятельствам приходили в школу утром задолго до начала занятий. Бывали просто свалки дерущихся, кучи! Школу почему-то открывали заранее, преподавателей ещё не было, а сторож не отвечал за поведение учащихся. Такие же драки бывали и в кинотеатре <<Север>>, сейчас на этом месте метро <<Обводный канал>>. Тучи дерущихся на балконе этого кинотеатра!

Однажды у входа в <<Север>> парень потребовал от Михаила некую круглую сумму и кивнул на свой карман, из которого торчала его рука, через материю выступал конец острой заточки. Пришлось вывернуть свои карманы – ведь денег, действительно, не было! Парень миролюбиво отстал, похоже, он только что начал заниматься этим. Сороковые послевоенные...

Итак, вернёмся к приключениям нашего Михаила. С Валеркой он встречался не так уж часто, как-то раз парень отозвал его в сторону и сообщил, что Большого взяли и тут же быстро отошёл в сторону. Ничего хорошего это сообщение не сулило. Бандиты теперь могут снова захватить его хотя бы для шантажа милиции. Так оно и случилось, пока он обдумывал свои действия. Опять какая-то машина, ну, как по трафарету, по старой копирке – сначала отпустили на поводке, а потом опять подтянули к себе. Как надоели ему эти бандиты! Опять какая-то дыра, полупьяные, озлобленные, готовые на всё, его даже привязали, никаких вольностей, движения ограничены, издевательские улыбки... Он начинал понимать, что теперь точно спасения ждать неоткуда – милиции вряд ли нужен этот парень взамен на Большого, бандиты же ждут только, когда и как с ним расправиться!

Однажды все они ушли – непредвиденное происшествие, потребовавшее полной мобилизации трудовых ресурсов. Он начал ошалело стучать в пол привязанным к нему стулом, стучал до изнеможения, понимая, что за это его могут так пристукнуть, что... Фортуна опять была на его стороне, видимо, эти яйцеголовые так всем надоели вокруг, что вызвали элементарно и просто милицию, – на звонки послышались детские вопли о спасении. Ломали дверь или аккуратно вскрывали, Михаил не помнил. Короче, его опять освободили, опять забрали часть небдительных тружеников этой воровской профессии.

Совсем тупые, – неожиданно подумал про себя Михаил!

В пионерский лагерь

Почему до сих пор эти воры не убрали Михаила, какая тонкая ниточка не давала это сделать? Михаил начал играть, что называется, <<во банк>>, – часто выходил во двор, опять пошла эта дворовая жизнь, новые знакомства, встречи. Однажды доигрались до того, что пошли кидаться камнями сначала маленькими партия на партию. Камни свистели лихо рядом, того и гляди, заденут...

Дворовая игра мальчишек чем-то озлобленных в этой жизни с такими же, как и они. У всех были свои счёты с этой жизнью, у всех были бедные родители, если, вообще, были! У всех своя философия. Камни становились всё больше и больше, злоба друг на друга росла и росла. Это не всем дано понять, надо было просто быть на месте этих лиговских волчат. Наконец, один из больших камней ударил в бровь Михаилу. Кровь мигом залила глаза. Он отвернулся, чтобы больше кто-нибудь не попал ещё в него теперь уже беззащитного, и быстро пошёл прочь. Кровь лилась всюду. Тот, кто бросал, сразу заметил, что попал, заорал, чтобы перестали кидаться. Михаил уходил скрюченным, зажимая кровавыми руками рану, скорее бы добраться домой. Дома промыли рану, остановили кровь, бровь была здорово рассечена. Отец решил отвести его в ближайшую поликлинику, всё ли в порядке с глазом? Оказалось, пока всё в порядке, рану дезинфицировали, наложили повязку, обязали прийти ещё... Михаил знал, кто специально метился в него и попал большим камнем, но, как говорится, без комментариев. Зря он решил потерять бдительность, во дворе его особенно не ждали. То ли ещё будет! Он решил снова начать регулярное посещение библиотеки. Опять фантастика и дар предвидения Жюль Верна, жизнь индейцев Фенимора Купера, анализ преступлений Конан-Дойля... Оставят ли его в покое?

К чему ведёт эта дворовая жизнь пацанов, он понял впоследствии, когда один из его старых друзей по двору и, вообще, по дому оказался в тюрьме. Борис Ольшанский, они знали друг друга ещё до войны, правильный парень, умный, немного замкнутый в себе, лидер. Михаил несомненно ощущал на себе его влияние, но Борис не раскрывался до конца, всегда не договаривал, вёл себя чересчур самостоятельно. Они дружили и после войны, приходили друг к другу в гости, хотя отец его не разрешал никаких гостей, но мать приветливая и жалостливая женщина уговаривала отца. Михаил заходил ещё, в их семье была всё же какая-то тайна, – почему отец так боялся гостей? Возможно, опять что-то криминальное?

Когда Михаила обокрали, первым, к кому он обратился был Борис, который сообщил это отцу. Тот пришёл через некоторое время, вынул нож, отчасти, как-то чересчур демонстративно осмотрел все потаённые места квартиры, ушёл. Как уже говорилось, никого не нашли. Потом стало известно, что отец Бориса ушёл из семьи. Возможно, это подействовало на его сына, который совсем замкнулся, их дружбе пришёл конец. Затем Михаил узнал, что Борис попал в нехорошую компанию, групповое изнасилование, суд. До этого уже давно они не общались, у Бориса была своя жизнь, теперь стало понятно, какая! После отсидки стало известно, что он женился, обосновался где-то в Красном селе, родил ребенка, но прошлое настигло его и там, приехал кто-то из старых тюремных друзей, топором отрубили голову – за что?

Все эти <<лиговские>>, <<боровские>> кончали плохо. Конечно, исключения было и весьма часто. Ещё он помнил девочку с огромными синими глазами, с которой, четырёхлетний, встречался до войны у входа в парадную дома со двора. Они подолгу говорили, в сущности, ни о чём, но это было неизменно и почти ежедневно. Для него это общение с красавицей было неожиданно, он чувствовал уважение к себе...

Глупый, во время блокады эту девочку съедят, на лестнице найдут только голову с огромными синими глазами!

Это общение с ним было, может быть, последним общением так и не выросшей женщины с мальчиком-мужиной. Этот образ остался с ним на всю жизнь, как будто она следила за ним и подсказывала что-то иногда. Самое печальное, что потом, после войны, когда он встречался с матерью этой девочке на лестнице, она долго смотрела на него, как будто хотела увидеть образ своей, так и не выросшей дочери. Михаилу начинало казаться иногда, что эта женщина сходит с ума что ли?

Да, похоже, о нём потихоньку начали забывать – ни тебе машин, ни пьяных рож умудрённым опытом грабителей. Райская жизнь потрёпанного в штормах кораблика! Но тучи-то сгустились! Кораблик, не забывай о многом! Большой сбежал.

Ну, наверно, и в сороковые годы существовали некие каналы для ошеломительных побегов. Большой сбежал – как? Очаровательные женщины (а он был не так и плох собой!), зарождающаяся коррупция, угрозы и шантаж? В конце концов, просто обмен жизни одного преступника на жизнь какого-то другого человека! Чего только не бывает в этом лучшем из миров!

Большой сбежал! Никакого паритета между милицией и бандитами больше не было. Драка начиналась большая. Да, кому он теперь нужен? Его как муху могли ухлопать в любую минуту.

Лето было в самом начале. Отец решил отправить его в пионерский лагерь от своего завода. Так он оказался на берегу Финского залива среди шумящих сосен и ругающихся матом подростков, среди которых было несколько очень великовозрастных. Много было второгодников, – некоторые становились ими из года в год. Так он начал постигать жизнь летом в пионерском лагере!

В группе прибывших сначала лидером объявился некто рыжий, складно говоривший обо всём, знавший ответы на многие вопросы. Постепенно группа школьников подпала под его влияние. Казалось, это надолго, но прибывали всё новые и новые, и вот явился другой лидер с группой каких-то своих ребят, которые сразу дали понять, кто есть кто. Рыжего бить не стали, но он сразу сник и из грозного превратился в очень обыкновенного и даже местами жалкого пацана. Это превращение произошло почти мгновенно, когда оба, новый и старый лидер, столкнулись в дверях. Новый, здоровый и высокий, так посмотрел на этого пацанёнка, что тому ничего не оставалось, кроме как вежливо и заискивающе посторониться. Дальнейшие попытки последнего как-то восстановить свой безоговорочный авторитет терпели постоянно крах.

В конце концов, на рыжего все перестали обращать внимание. Так переменчива жизнь. Нового <<водилу>> звали Олегом, и он начал, действительно, действовать. Как?

До этого строго настроено на общем собрании лагеря было запрещено без руководителя отряда (воспитателя) уходить в лес, этот вопрос согласовывался с начальником лагеря и т. д. Леса тогда были мало освоены, – это не как потом, когда пионеры истоптали всё и вся. В лесах водились змеи и немало, чёрт знает, на что там можно было ещё нарваться (мины и неразорвавшиеся снаряды тоже не исключались!). И вот этот новый водила без всякого разрешения вышестоящих бодро повёл группу желающих (всех опросили персонально!) в дебри лесов Карельского перешейка, – ну, как в дебри лесов Канады у Фенимора Купера! Это было ужасно романтично, кто бы тут устоял? Михаил был истинным пионером. Но, как и следовало ожидать, в лесу быстро заблудились, все разбежались по сторонам и жадно набрасывались на ягоды. Собрать всех особенно было некому, да и сложное это было дело. Пока голодный хулиган не наестся до отвала ягод, он ни за что никуда не пойдёт, а хулиганом, похоже, был и сам водила.

В общем, вытаскивали из леса долго и упорно, для этого были привлечены все сотрудники данного лагеря, и не только лагеря. Зато потом было о чём рассказать прибывшим из леса путешественникам всем остальным. Они чувствовали себя героями.

На следующий день на собрании ошалевшие воспитатели и начальник лагеря пытались ещё раз разъяснить контингенту всю опасность такого непослушания, – никто серьёзно это не воспринимал, а только посмеивались. В итоге все отряды стали дружно ходить в лес, находились и выращивались свои Сусанины, дело пошло на поток. А начальство – что начальство? Оно перестало вмешиваться. Народ взял власть в свои руки. И ничего!

Лагерь располагался, буквально, на берегу. Шорох камышей, утиная возня – тогда всё это ещё было, ещё не скосили, не сравняли, не благоустроили. Пионерские горны то и дело тревожили души, возвещая о чём-то значительном, пионервожатые делали своё необходимое для воспитания и организации дело.

Правда, у них была своя жизнь, особенно после отбоя. Когда пионеры занимали горизонтальное положение (и никакое другое!), воспитатели освобождались от массы дел и начинали отдыхать по-своему. О, сколько здесь ломалось женских судеб, сколько рождалось неоспоримых Дон Жуанов, сколько выпивалось алкогольных напитков!

Далеко не все пионеры засыпали в этот период глубоким здоровым сном. Всё тот же водила Олег не чувствовал себя совершенно маленьким мальчиком. Всю ночь, слыша из-под одеяла часто крики пионервожатых, он, несомненно, возымел сильнейшее желание показать и себя на этом уже опробованном им когда-то поприще. Жизнь заставляет!

Итак, под утро, выйдя якобы в туалет, он увидел направляющуюся туда же Шурочку, пионервожатую их отряда. О, он уже давно приглядывался к этой не в меру грудастой девице! Она как будто тоже чересчур озорно присматривалась к нему. Поезд от станции А и поезд от станции Б встретились у некоего занюханного туалета. Водила Олег сразу решил завалить озорную пионервожатую, но неожиданный отпор озадачил пятнадцатилетнего второгодника. Шурочка почувствовала всю мощь надвигающегося на него хулигана и решила использовать все возможные и невозможные манёвры. Один из них удался на славу. Встав перед буйволом на колени, она попросила его <<не делать этого>>! Пятнадцатилетний оказался малоопытным, Шурочка благополучно смылась из его объятий.

С этим молодым много и подолгу разговаривали некоторые сотрудники лагеря. Вероятно, беседы не дали положительного результата, через некоторое время Шурочка исчезла из общего поля зрения. Уехала что ли?

Жизнь в лагере становилась всё более бурной, проходили спортивные соревнования, продолжительные походы по интересным местам, военные игры. Когда отряды шли по пересечённой местности или по хорошей дороге, впереди выступал знаменосец со знаменем. Нужно было тащить это знамя так, чтобы все видели его, чтобы картина была впечатляющей: идут, действительно, организованные люди с боевой известной песней, идут чётко в строю с развёрнутым красным знаменем!

Это знамя тащить поручили ему. Ну, наверно, он был самым высоким в своём отряде, тихим, неглупым – а что ещё надо для этого? Была какая-то гордость от этой возложенной обязанности, это придавало несомненно силы, и Михаил нёсся, как олень, гордо вытянув шею, почти издавая трубный зов. Молодость, детство – чего только не бывает в эти прекрасные годы! Потом вспоминаешь со смехом и чуть ли не со слезами.

Необычайную серьёзность проявили пионеры в проведении военной игры. Конечной целью было взятие в плен главнокомандующего противников. Необходимо было сорвать с него специальную звезду и предъявить её тому, кто оценивал игру, – тогда игра заканчивалась. В конце концов, всё закончилось свалкой.

Пока боролись за эту звезду, Михаил спокойно поднял её с земли и не торопясь скрылся, чтобы потом предъявить кому-то... Оказалось, что предъявлять просто некому, не учли этого, не продумали. Кто-то видел, что звезду унёс именно он. Походил, походил гордый и просто отдал тому, кто знал, где звезда. А что отдавать, если и так знали! Как-то не состоялся его

триумф. Звезду просто выкинули. Наверно, посчитали, что она заработана не совсем потом и кровью. Ведь он не крутился, не толкался, не бился в этой свалке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.